

© 1998 г. Р. МАРОЕВИЧ

ЭТЮДЫ ПО ГРАММАТИКЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА. II (Посессивы типа *Творимиричь*)

1. О том, что от патронимов на *-ісь* первоначально образовывались притяжательные прилагательные (посессивы) с помощью суф. *-ь*, впервые было заявлено в нашем докладе к Киевскому съезду славистов (ср. [Маројевић 1982: 89–109]). Более подробно древнерусский материал был изложен и прокомментирован в разделе "Мужские патронимы: Посессивная форма" в монографии, посвященной посессивным производным в древнерусском языке [Маројевић 1985: 44–53]. Специальный вопрос – почему посессивы этого типа вытесняются родительным принадлежности, а не притяжательными прилагательными с суф. *-евъ* – был освещен в работе [Мароевич 1993: 108–109] (первоначально в [Маројевић 1983: 161–162]).

В откликах на наш доклад в Киеве (Ф.Славского в устной речи на съезде. Х. Бирнбаума [Бирнбаум 1987]¹, И.М. Железняк [Железняк 1983]²) не оспаривалось существование притяжательных прилагательных данного типа. Из посессивов типа *Творимиричь* исходит, ссылаясь на нашу работу [Маројевић 1982], А.А. Зализняк при объяснении одной неясной формы в новгородских берестяных грамотах [Зализняк 1993]³. Уже без ссылки на наше исследование, притяжательные прилагательные типа *Творимиричь* упоминаются А.А. Зализняком также в монографии, посвященной древненовгородскому диалекту [Зализняк 1995]⁴. Сербский лингвист М. Станич в специальной работе считает наше толкование загадочных сербских форм окончательным решением вопроса [Stanić 1987: 25–40].

¹Ср.: "Р. Мароевич (Marojević 1982) касается в своей работе судьбы особого подтипа общеславянских притяжательных прилагательных" [Бирнбаум 1987: 294].

²Ср. "Доклад Р. Мароевича (СФРЮ) рассматривает особую форму антропонимов в форме *adjectiva possessiva*. В живом употреблении такие прилагательные встречаются в старославянском языке, в древнерусских памятниках, где они наблюдаются вплоть до XIII в. Позднее эта форма притяжательных прилагательных стала восприниматься как родительный падеж принадлежности, чем объясняется раннее употребление посессивного генитива от патронимов без определения и приложения. Эта форма прилагательных сохранилась в старосербохорватском языке, на что указывают современные фамилии, топонимы и пр. Отдельные славянские языки имеют свои особенности в развитии этих форм прилагательных, но [они] восходят к одним и тем же формам" [Железняк 1983: 323].

³Ср.: "Структура примера *Ивана Хроуишъкин[иц]-(шело)мъ и брънѣи щитъ [и к]([о])п[н]ѣ* 332 остается не вполне ясной из-за обрыва: если в грамоте стояло *Хроуишъкиницѣ*, перед нами тип 3 [родительный принадлежности + родительный принадлежности – Р.М.]; если *Хроуишъкиницѣ* (или *-ницѣ*) – тип 2 [родительный принадлежности + притяжательное прилагательное – Р.М.], с архаичным притяжательным прилагательным (*Хроуишъкинъ*), внешне совпадающим с исходным существительным (см. о таких прилагательных работу: Мароевич) [Зализняк 1993: 274].

⁴Ср.: "Отметим, что в некоторых случаях по чисто фонетическим причинам основа притяжательного прилагательного с **-j-* оказывалась такой же, как у производящего имени. Таково было, в частности, положение с отчествами на *-ичь*, ср. *Творимиричь* 'принадлежащий Творимиричу' от *Творимиричь* 'Творимирич'. Из-за неудобства подобной омонимии такие прилагательные вышли из употребления довольно рано. Ср., например, *оу Несодищеве* 'у Несдичевой жены' Ст. Р. 22 (XII₁), где представлена уже более новая модель" [Зализняк 1995: 184].

Через десять лет после нашего доклада на съезде в Киеве в осуществлении притяжательных прилагательных типа *Творимиричь* усомнился В.Б. Крысько, сначала в журнальной статье [Крысько 1993: 71–72], а потом и в монографии о категории одушевленности [Крысько 1994: 81–82]. Квалифицируя словосочетание **соуждалъць Ходоутиничъ** в Свинцовой грамоте (...заожеричъ отрокъ лони крили соуждалъць Ходоутиничъ...) "как родительный принадлежности (РП мн. ч.), обозначающий прежних владельцев холопа – семью суздальцев Ходутиничей". В.Б. Крысько данный текст сравнивает с фрагментом из Новгородской летописи: «домъ его весь розграбиша... та(к) же и Водовиковъ дворъ... и бра(т) его Михаля... и *Творимиричь* ЛН, 112 – т.е. "двор Творимировичей"», а в сноске добавляет: «Заметим, что объяснение формы *Творимиричь* как притяжательного прилагательного от отчества (Маројевѣи 1982, 92) представляется неоправданным, поскольку неоднократные новгородско-псковские примеры типа: оу *Прикоуповичъ* двора ЛН, 134 об., подле *Колотиловичъ* землю ПГ № 3 – однозначно показывают, что здесь мы имеем дело с РП мн. ч.: аналогично интерпретируются, как и полагал М. Стеванович, сербохорватские формы типа *Добриловиѣна куѣа* (см.: Маројевѣи 1982, 99). Совершенно произвольна адекватная трактовка формы: повелѣниемъ Милятиномъ *Лоукиницемъ* – из записки к "Милятину евангелию" (там же, 92); на самом деле в данном случае отражен анаколуп, как и в конструкциях: повелениемъ *работъ бѣмъ Ананиею черньцемъ* Сийское евангелие 1340 г., 216; замышлениемъ игоумениемъ *Дмитриемъ* Паренесис Ефрема Сирина 1377 г., 259 об. (Пергаменные рукописи 1976, 79, 167). Прочие примеры, толкуемые Р. Мароевичем (1982, 92–94) как притяжательные прилагательные от патронимов, являются формами РП ед.ч., кроме формы "съ строю" (НГБ № 487), которая при новом прочтении оказалась творительным падежом *състрою* (Зализняк 1986, 210)» [Крысько 1994: 82].

Левая сторона равенства, которое можно построить на основании рассуждений В.Б. Крысько – о том, что конструкцию **соуждалъць Ходоутиничъ** "наиболее правдоподобно... квалифицировать... как родительный принадлежности (РП мн.ч.)" – была опровергнута нами в предыдущей статье этой серии [Мароевич 1996: 20]. В настоящей статье мы попытаемся усомниться в правильности правой стороны указанного равенства, а также прочих доводов В.Б. Крысько, за исключением примера из берестяной грамоты: **а возывахо тѣ съ строю нѣвестокою** [ГрБ 1/2 XII. № 487] "а если бы позвали тебя, то с дядиной невесткой" [Арциховский, Янин 1978: 80]. Мы не знаем, насколько оправдано исправление А.А. Зализняка в палеографическом отношении: **състрою** вм. "съ строю" [Зализняк 1986: 210]; можем только добавить, что в лингвистическом отношении использование сочетания *сестра нѣвѣстка* в творительном падеже в роли косвенного дополнения при глаголе *възывати* кажется контекстуально необоснованным (что такое "сестра невестка": почему вместо винительного и творительного падежей современного русского не был использован древнерусский двойной винительный?). Поскольку здесь речь идет о патронимических посессивных формах, вопрос о прочтении берестяной грамоты № 487 останется за пределами настоящей статьи.

2. Начнем с примера, который не рассматривался нами в докладе к Киевскому съезду славистов и на который В.Б. Крысько не ссылается (пример приведен и рассмотрен в монографии [Маројевѣи 1985: 48]): в то^ж лѣѣ^ѣ приходи епѣпъ черниговскыи Перфурии. ко Всеволоду Гюргевичю Володимерю мира прося у него. абы умирити его с Рязаню съ *Глѣбовичи*. занеже есть Рязань черниговскыи епѣпъ [ЛЛ 1377, л. 137 (1187)]⁵.

⁵Материал, не подтвержденный специальной ссылкой на источник, приводится по данным Картотеки древнерусского языка XI–XIV вв. (примеры из памятников даются в упрощенной графике). Данные об источниках и их сокращениях см. в [СДЯ].

Словосочетание с *Рязанци съ Глѣбовичи* А.А. Потебня объясняет в скобках: "с рязанским князем Глѣбовичем" [Потебня 1977: 298]. Для такого толкования нет никаких формально-грамматических оснований, поэтому примечание А.А. Потебни следует считать не лингвистическим объяснением, а пояснением смысла текста с исторической точки зрения.

Мы же считаем, что в приведенном примере засвидетельствован посессив *Glěbovičъ*, образованный с помощью суффикса *-ъ <*-ōs* от патронима *Glěbovičъ*, в форме творительного падежа мн.ч. мужского рода. В мужском (и среднем) роде посессив принадлежал к склонению древних *iō*-основ. Указанное словосочетание (с удвоенным предлогом *съ*, характерная черта древнерусского синтаксиса) мы семантизируем следующим образом: 'с Глебовичевыми рязанцами', т.е. с рязанцами Глебовича.

3. Другой пример, приводившийся нами [Маројевић 1982: 92; 1985: 47–48] в качестве доказательства о существовании притяжательных прилагательных типа *Твори-миричь*: *въ голодѣное лѣто написахъ еуангліе. и апѣлъ [...] а повелѣниємъ. Милятиномъ Лукиницьмъ и крилъ обоѣ книги* [ЕвМият 1215, л. 160 (запись)], имеет уже длительную историю толкования.

Л.А. Булаховский полагал, что в приведенном примере "от имени *Милята* образовано, как обычно, притяжательное прилагательное и ему ассимилировано также и отчество (в роли прилагательного)" [Булаховский 1953: 287 (сноска)]. Толкование Л.А. Булаховского принимает также Я.А. Спринчак в следующей формулировке: "обычной притяжательной форме *Милятиномъ* ассимилировано и отчество, употребляемое здесь в роли определения" [Спринчак 1960: 120]. "Совершенно произвольна адъективная трактовка формы" (формы *Лукиницьмъ*), – считает В.Б. Крысько. И продолжает: "на самом деле в данном случае отражен анаколуп" (как и в двух других конструкциях, о которых см. ниже) [Крысько 1994: 82 (сноска)].

Мы не знаем, в каком значении В.Б. Крысько употребляет слово *анаколуп*, поскольку это скорее не лингвистический (в [ЛингвЭС] он отсутствует), а литературоведческий термин: "синтаксич[еская] несогласованность частей или членов предложения (как небрежность или средство выразительности)" [ЛитЭС: 23]. Ср. и другое определение: "стилистическая фигура, состоящая в согласовании слов или соединений частей фразы по смыслу вопреки грамматическим нормам [...]; а[наколуп] в художественной литературе – средство разговорного оживления речи" [СИС: 35–36]. Мы бы, во всяком случае, по отношению к древнерусским писцам предпочли другую оценку: не преднамеренное использование той или иной стилистической фигуры, а неправильность, несогласованность в результате контаминации двух конструкций. Но сначала надо доказать, что фраза является неправильной, а ее части – несогласованными между собой.

В примере из Сийского евангелия (л. 216), которое датируется 1340 г. (в отличие от традиционной датировки 1339 г.), представлен творительный падеж субъекта: написано бы^с *сиѣ ѡуагѣ* въ градѣ Московѣ на Двину къ стѣи Бѣи. повелениѣмъ *рабоу бѣмъ* *Ананиѣю чернѣцѣмъ* [ПР: 79] (запись писцов Мелентия и Прокоши). В первой половине XIV в. едва ли был возможен творительный субъект при отглагольном существительном без выраженного родительного объекта, поэтому приходится исходить из контаминации двух конструкций: творительного субъекта (при страдательном причастии) *написано рабоу б[ожи]имъ* и родительного субъекта (при отглагольном существительном) *повелениѣмъ [раба божия]*, тем более, что конструкция с родительным субъекта представлена в записи формой личного местоимения: *многимъ книгамъ написанымъ кѣо повелениѣмъ* [ПР: 79].

Другого характера творительный падеж *игоуменимъ Дмитріѣмъ* в записи писца (дыа^къ Алексѣико нарѣца^кмыи Владычѣка) к Паренесису Ефрема Сирина (л. 259): *ѣи. помози рабоу Бѣю Владычѣкъ написавшему книги сиѣ* стѣму великомуу Николѣ. а

замышлениѣмъ *игоуменимъ Дмитріѣмъ* [ПР: 167] (памятник датируется 1377 г.). Здесь представлены согласуемые формы двух посессивов: притяжательного прилагательного *игуменъ*, образованного с помощью суф. *-ѣ от нарицательного существительного *игуменъ*, и притяжательного прилагательного *Дѣмитріѣ*, образованного с помощью суф. -ѣ от личного имени *Дѣмитріѣ*. Использование творительного падежа двух посессивов обусловлено синтаксической позицией определяемого слова (отглагольного существительного).

Сербский экклезионим *црква Димитрија* (вин. п. *цркву Димитрију*) показывает, что первоначальной посессивной формой личного имени *Дѣмитріѣ* был не посессив на -евъ **Дѣмитріѣевъ*, а посессив на -ѣ *Дѣмитріѣ* (ж.р. *Дѣмитрија*, ср. р. *Дѣмитрије*). В этом отношении можно сопоставить фрагмент из сербской народной песни "видиш нашу *цркву Димитрију*" с соответствующей формой в Лаврентьевской летописи: *преяша цркъвъ Дмитрия* Печеряне [ЛЛ 1377, л. 99 об. (1128)]. Употребление одиночного родительного принадлежности, без определения или приложения, для древнерусского языка первой половины XII в. было нехарактерным. Поэтому мы реконструируем первоначальный текст летописи с согласуемой формой [преяша цркъвъ] *Дѣмитрію* и предполагаем смешение графически весьма похожих букв ю и ѡ (более подробно см. [Маројевић 1987: 129–132]).

После всего вышеизложенного нет никакого сомнения в том, что в записи к Милятину евангелию представлен не анаколуп и не ассимиляция отчества притяжательному прилагательному от имени *Милята*, а параллельное употребление при отглагольном существительном в творительном падеже ед. ч. согласуемых форм двух посессивов: на -иѣ от личного имени *Милята* и на -ѣ от патронима *Лукиничъ*.

О том, что подобное параллельное употребление двух посессивов в субъектном значении при отглагольном существительном было обычным явлением. свидетельствует первая запись к Апостолу XIV в. (в Собрании А.И. Хлудова в Государственном историческом музее): ꙗко помози рабу своему Кузмѣ даи бѣ ему списати си сѣая книги бл҃гнѣмъ *архимандричимъ Серапионовымъ* [Ап XIV (1), л. 1 (запись)]. Здесь представлены посессив на *-ѣ от титула *архимандритъ* и посессив на -овъ от его личного имени *Серапионъ*. Формы *архимадричимъ* и *игуменимъ* (см. выше) показывают вторичное получение посессивами членных форм.

4. Третий пример, в котором представлен посессив *Творимиричъ* (по которому данный тип притяжательных прилагательных получил название), засвидетельствован в Синодальном списке Новгородской первой летописи (датируется XIII веком), под 1230 г.: домъ его всѣ розграбиша [...] и Водовиковъ дворъ. и села. и браѣ его. Михалѣ. и Даньслаѣ. и Борисовъ тысячьскаго. и *Творимиричъ*. иныхъ много дворовъ [ЛН XIII, л. 112 [1230]].

Словоформа *Творимиричъ*, на наш взгляд, представляет собой объектное определение при существительном *дворъ*, как и посессивы *Водовиковъ* и *Борисовъ*. Указанные антропонимические формы различаются по словообразовательному суффиксу и словообразующей основе: посессив *Творимиричъ* (ѣ) сѣ в результате цоканья) образован с помощью суф. -ѣ от патронимической основы, посессивы же *Водовиковъ* и *Борисовъ* – с помощью суф. -овъ от основы личного имени.

Наше толкование формы *Творимиричъ* [Маројевић 1982: 92; 1985: 47] вызвало – с большим опозданием и попутно – резкое возражение В.Б. Крысько, считающего эту форму родительным падежом множественного числа [Крысько 1994: 82 (сноска)]. Свою версию прочтения указанного летописного фрагмента В.Б. Крысько аргументирует привлечением параллельных форм, засвидетельствованных в новгородско-псковских памятниках. Рассмотрим эти примеры.

Словоформы *соуждалѣцъ ходоутиничъ* в Свинцовой грамоте: заожеричъ отрокъ лони крили соуждалѣцъ ходоутиничъ възъми довѣ гривнѣ на намъ [Гр XI/XII (новг.)] не могут быть поняты как род. п. мн. ч. при существительном *отрокъ* потому,

что такое толкование выходит за пределы древнерусского синтаксиса: приименный или адноминальный генитив и есть приименный постольку, поскольку он занимал позицию при имени. Патроним *Ходутиничъ*, согласно нашему толкованию, является подлежащим императивного предложения третьего лица единственного числа [Мароевич 1996].

В другом примере, которым В.Б. Крысько подтверждает свою гипотезу, также представлен не родительный падеж множественного числа патронима, а родительный падеж единственного числа топонима. Если бы в нашем распоряжении был только список около 1669 г. (оригинальная грамота относилась ко второй половине XIV в.), который цитирует В.Б. Крысько, можно было бы подумать, что в памятнике засвидетельствован родительный падеж топонима (*plurale tantum*) **Колотиловичи*: И досташа ся игумену святаго Спаса Алексию у сести мѣсть первое мѣсто на Ригине гора [...] а пятое у Кривыхъ же нивок. и шестое подле *Колотиловичъ* землю [НПГ: 48]. Такой топоним в такой форме выглядел бы странным, во-первых, потому что для данной территории и в данный период вообще не характерны топонимы на *-iči*, во-вторых, потому что во второй половине XIV в. патронимы на *-ičъ* в род.п. мн. ч. имели не нулевое окончание, а окончание *-ev*; ср.: се милостыня князя великого Васильева Михайловича и его *братаничевъ*. князя Всеволожа. князя Михайлова. князя Володимерова. князя Андреева *Олександровичевъ* князя Еремеева. князя Семенова *Костянтиновичевъ* [Гр 1361–1365]. Но та же псковская грамота известна по списку 1680 г., в котором засвидетельствован в данном месте – род.п. ед. ч. микротопонима (или гидронима) *Колотиловица*: И досташа ся игумену святаго Спаса Аляксию у сести мѣсть: первое мѣсто на Ригина гора [...] а пятой у Кривыхъ же нивъ і шестое подле *Колотиловицы* землю [ГВНП: 328]. Интересно, что в Указателе географических названий микротопоним идентифицируется неточно: *Колотиловица* земля [ГВНП: 380], вместо: *Земля подле Колотиловицы*⁶.

У В.Б. Крысько, на наш взгляд, вызывают затруднения "капризы" древнерусских памятников и их списков и методологические проблемы реконструкции. Об этом свидетельствует и третий пример, которым автор пытается доказать существование в древнерусском языке посессивного генитива множественного числа: і лиши сѧ посадничества Онанѧ. і взяша миръ на всеі воли новгородскоі. і поіде кѣзь в горо^д. і срѣте і архиепѣтъ Далмать со всѣмъ иерѣйскимъ чи^нмъ съ крѣ^ты. оу *Прикоуповичъ* двора [ЛН 1/2 XIV, л. 134 об. (1255)]; цит по: [ЛН 1875: 268]. В Комиссионном списке (первая половина или середина XV в.) засвидетельствована форма род. п. ед. ч. мужского рода посессива, совпадающая с формой родительного принадлежности: И лиши ся посадничества Онанѧ, и взяша миръ на всеі воли новгородчкoi. И поиде в город, и срѣте і архиепископъ Далмать съ всѣмъ иерѣйскимъ чиномъ, съ кресты, у *Прикуповича* двора [ЛН 1950: 308]. Какую форму, (у) *Прикуповичъ* (двора) или (у) *Прикуповича* (двора), следует считать первичной для русского языка середины XIII в.? И является ли словоформа *Прикуповичъ* в словосочетании у *Прикуповичъ* двора родительным падежом множественного числа?

⁶ В.Б. Крысько, очевидно, солидаризируется с Л.М. Марасиновой, опубликовавшей список около 1669 г. и датировавшей протограф второй половиной XIV века [НПГ: 48]. В Хронологическом комментарии к указанной грамоте она пишет: "В той же грамоте упоминается земля Колотиловичей. Псковские бояре с этим именем известны по летописям: в 1341 г. упоминается боярин Власей Колотилович" [НПГ: 88]. В Строевском списке Псковской 3-ей летописи, писанном в 60-х годах XVI в., упоминается (под 1341 годом), что немцы убили пять псковских послов, среди них и *Власия* (в Архивском 2-ом списке: *Власия*) *Колотиловица* [ПЛ: 92]. Патроним *Колотилович* не имеет никакого отношения к тексту рассматриваемой грамоты, в которой упоминается не "земля Колотиловичей", а земля (в вин. п.) *подле Колотиловицы*. В списке около 1669 г. отражен обратный эффект цоканья и не дописана вторая часть буквы "ы": *подле Колотиловичъ[і] землю*. Можно только утверждать, что и патроним (*Колотилович*), и микротопоним (*Колотиловица*) образованы от одной и той же словообразующей основы (личное имя *Колотило*).

В протографе как Синодального, так и Комиссионного списков Новгородской первой летописи находилось, несомненно, обстоятельство места *у Прикуповиѣ двора*. В 1255 году, о событиях которого повествует летописец в рассматриваемом фрагменте, форма *Прикуповиѣ* осознавалась как согласуемая форма посессива на -ѣ (родительный падеж единственного числа мужского рода). Эта форма без изменения сохранилась в Комиссионном списке первой половины или середины XV века, но она в это время, когда в живом употреблении уже не было посессивов указанного типа, осознавалась по-другому: как родительный принадлежности патронима. Синодальный список (данный фрагмент которого датируется первой половиной XIV века) отражает период утраты посессивов типа *Творимиричь* из живого языкового сознания носителей древнерусского языка (первая половина XIV века). Несклоняемость посессивных форм на -иѣ была одним из результатов (и показателей) этой утраты не только в древнерусском языке; ср. несклоняемые чешские посессивные формы типа *Novákovíc* и несклоняемость форм на -ič в сербских топонимах типа *Николић-поток*, *Коњевић-поље* и форм на -iča в сербских антропонимах (женские фамилии) типа *(Коса) Смиљанића* [Маројевић 1982]. Это и есть ответ на первый вопрос.

Нетрудно ответить и на второй вопрос. Форма *Прикуповичь* в словосочетании *у Прикуповичь двора* не могла осознаваться как родительный падеж множественного числа ("у двора Прикуповичей"), по двум соображениям. Экстралингвистическое соображение: при слове *дворъ*, как показывают древнерусские памятники письменности, употреблялось притяжательное прилагательное (чаще) или родительный принадлежности в единственном числе (в определенных синтаксических условиях), указывающие на индивидуального владельца. Здесь двор якобы принадлежит не одному Прикуповичу, и даже не двум сыновьям Прикупа, а трем или более Прикуповичам! Лингвистическое соображение: нормальной для род.п. мн.ч. является постпозиция по отношению к определяемому слову; ср.: *а кѣъзъ погони ся по нихъ съ своимъ дворомъ. и би я подѣ Зижьчѣмъ. и не упусти ихъ ни мужа. и ту изби избытокъ княжичь* [ЛН 1/2 XIV, л. 131 об. (1245)]⁷.

На основании всего вышеизложенного можно с полной определенностью подтвердить посессивное толкование формы *Творимиричь* в Новгородской летописи: (розграбиша) и *Творимириць* [дворъ], т.е. 'Творимиричев двор'. Помимо приведенных аргументов (неправомомерность указания на трех или более владельцев двора, отсутствие аналогичных конструкций в других памятниках и т.д.), здесь следует добавить еще один: затруднительность употребления адноминимального родительного падежа при отсутствии определяемого существительного *дворъ* (оно вычленяется из более широкого контекста).

5. Прочие примеры, толкуемые нами как притяжательные прилагательные от патронимов, В.Б. Крысько отмечает как формы родительного падежа единственного числа [Крысько 1994: 82 (сноска)].

Среди примеров, приведенных нами [Маројевић 1982: 92], особенно показателен следующий: *Володимиръ же Мьстиславичъ бѣ въ Полонѣмъ. слышавъ же оже Андрѣвичъ Володимиръ умерлѣ. и иде к Дорогобужю дружина же Андрѣвича не пустиша его в городъ* [ЛИ ок. 1425, л. 195 (1171)]. В монографии, посвященной посессивным производным в древнерусском языке [Маројевић 1985: 48], данный пример сопровождался следующими комментариями: "Форму *Андрѣвича* можно было бы толковать и как родительный принадлежности, но думается, что для древнерусского

⁷Хотя и допускает возможность считать форму *княжичь* родительным падежом мн.ч. ('остаток княжеских сыновей'), С.В. Фролова отдает предпочтение трактовке, согласно которой *княжичь* – "притяжательное прилагательное, находящееся в согласовании с определяемым словом" [Фролова 1959: 241]. Для нас *княжичь* форма родительного падежа мн. ч., как и форма *княжиць* (с отражением цоканья) в части текста, которая непосредственно предшествует приведенному фрагменту: *а княжиць исьѣ. или боле. й. и ѿтолѣ Новгородци въспятиша.* [ЛН 1/2 XIV, л. 131 об. (1245)].

языка невероятной представляется употребление адноминального генитива, отделенного частицей *же* от определяемого существительного". Теперь мы могли бы высказаться более определенно: дистантное расположение беспредложного родительного (посессивного генитива) в древнерусском языке, да и не только в древнерусском – было грамматически невозможным.

6. Особо следует выделить случаи омонимии древнерусских согласуемых посессивных форм и синтаксических категорий современного русского языка:

а) именительный падеж ед. числа женского рода посессива на -ь: а се чара кня Володими́рова *Давыдовча* кто из нее пь тому на здоровье [Надп XII (до 1151)]; он же помысли и ре^ч собѣ в срѣ^ци се ми хочеть быти *Ярославича* смѣ^рть. и помоли ся к бѹ. и вина мечь свои [ЛЛ 1377, л. 108–108 об. (1149)]; ср. этот же фрагмент в [ЛИ ок. 1425, л. 142 (1149)];

б) родительный падеж ед. числа среднего рода посессива на -ь: начало княжения. Ярославля. *Изяславича* [ЛИ ок. 1425, л. 204 об. (1174)].

Если исходить из современного (русского) языкового сознания, как это делает В.Б. Крысько, во всех этих примерах можно видеть родительный принадлежности. Но здесь речь идет о древнерусском языке XII в., с ограниченными возможностями употребления посессивного генитива (условия его употребления описаны подробно в другой нашей монографии, посвященной посессивным категориям в истории русского языка [Маројевић 1983: 13, 50–56]). Первый достоверный пример использования родительного принадлежности в конструкциях, выражающих принадлежность лицу, причем с указанием личного имени и патронима, относится к последней четверти XIII века: судъ Ярославль. *Володимирица* [РПр 1280, л. 615 об.а]. Первый случай употребления одиночного патронима в форме приименного родительного падежа ед. ч. засвидетельствован в летописном списке последней четверти XIV века: здумаша боляре. *Володимерковича*. и рѣша князю своему [ЛЛ 1377, л. 113 об. (1153)].

7. С примерами, в которых засвидетельствованы достоверные случаи употребления притяжательных прилагательных на -ь в формальном и семантическом отношениях (п. 2–5), а также с теми, в которых посессивы на -ь семантически реконструируются (п. 6), доказательную силу имеют случаи, в которых посессивы типа *Творимиричь* нужно реконструировать и формально, и семантически. Речь идет о случаях сокращения падежных окончаний патронимов в древнерусских памятниках, в которых современное (русское) языковое сознание вычленяет родительный принадлежности, а древнерусская грамматика допускает только согласуемую посессивную форму:

а) форма винительного падежа ед. числа мужского рода посессива на -ь (*королевичь* 'принадлежащий королевичу') реконструируется в примере: Василковъ полкъ. гнаше Угры до становъ. и стягъ *королеви*^ч подъяти бѣаху [ЛИ ок. 1425, л. 260 (1232)];

б) форма винительного падежа ед. числа среднего рода посессива на -ь (*Гюргевице* 'принадлежащее Гюргевицу') реконструируется в примере: а на Володимире племя. на *Гюргеви*^ч не можемъ руки подъяти [ЛИ ок. 1425, л. 130 об. (1147)];

в) форма именительного падежа мн. числа мужского рода посессива на -ь (*Андрѣевичи* 'принадлежащие Андреевичу/Андреевичам') можно реконструировать в следующем фрагменте: придоша стрѣлци [...] Андрѣеви и Володимери *Андрѣеви*^ч на берегъ [ЛИ ок. 1425, л. 149 об. (1150)].

8. Подводя итоги сказанному, можно утверждать, что посессивы типа *Творимиричь* защитили себя: нет никаких оснований сомневаться в том, что они находились в живом употреблении в древнерусском языке вплоть до середины XIII века. В других славянских языках обнаруживаются их многочисленные следы в топонимии и антропонимии, но этот аспект может быть темой специального исследования.

Посессивы типа *Творимиричь* представляют собой только один словообразовательный тип более широкой категории притяжательных прилагательных с суф. -ь. С точки

зрения морфологической базы (типа словообразующей основы, от которой они образовывались), посессивы на -ь подразделяются на четыре типа:

а) патронимы с суф. -ичь < *-ičjōs. Посессивы на -ь от них в живом употреблении засвидетельствованы только в древнерусском языке XII – первой половины XIII века (примеры см. выше).

б) *nomina agentis* с суф. -тель. Посессив **ТОМИТЕЛЬ** [СС: 699], образованный суф. -ь от нарицательного существительного **томитель**, засвидетельствован в Супрасльской рукописи: **и въпалъ кси въ рѣцѣ томитѣли**. В древнерусских памятниках засвидетельствован посессив *иконоразбитель* (в Ефремовской кормчей): да ѿвѣржено будеть равню *иконоразбителе* безумие [Срезневский 1912: 128].

в) *nomina composita* со вторым компонентом -ѣи. Посессив **ЛЮБОДѣИ** [СС: 316] засвидетельствован в Зографском и Мариинском евангелиях в следующем контексте: **родъ лѣжавъ · і любодѣи**. В старославянских памятниках (в Зографском, Мариинском и Ассеманиевом евангелиях) представлен также посессив **ПРѢЛЮБОДѣИ** [СС: 545] в следующем контексте: **въ родѣ семь прѣлюбодѣимъ · и грѣшнѣмъ**. Посессив *любодѣи* засвидетельствован и в древнерусском памятнике: все житие мое блудно. душа же ми *любодѣя*. тѣло же все скверно и умъ же мои нечистъ [Стих 1156–1163, л. 105–105 об.].

г) *nomina agentis* с суф. -арь. В исконных славянских производных на -арь посессивы на -ь не засвидетельствованы. Исход раннего заимствования *цѣсарь* в результате фонетической и словообразовательной адаптации совпал с суф. -арь. Посессив **ЦѢСАРЬ** [СС: 774], образованный суф. -ь от нарицательного существительного *цѣсарь*, представлен многочисленными примерами в старославянских памятниках – в свободном употреблении: **повелѣ привести и съ всѣкожъ чѣстнѣ въ полаты цѣсара** (пример из Супрасльской рукописи); в составе устойчивого словосочетания **цѣ с а р ъ м ж ж ъ** "царедворец, придворный, приближенный властелина": **г(лаго)ла къ нему цѣ(с)арь мжжъ** (в Зографском, Мариинском и Ассеманиевом евангелиях, в двух контекстах); в составе ойконима **цѣ с а р ъ г р а д ъ** "Царьград (Константинополь)": **мітрофана арх(іепискоу)па цѣ(с)арь града** (пример из Ассеманиева евангелия). Посессив *цѣсарь* встречается и в древнерусских списках старославянских памятников, например в Остромировом евангелии: бѣ нѣкыи *цесарь* мужъ (л. 18 об.), а также в славянских названиях Константинополя [Фролова 1959, 259–260].

За пределами указанной классификации остаются: посессив *Dimitrijъ* "Дмитриев", выражающий (как и все предыдущие) значение принадлежности (см. выше), и посессив *тъпогovoѣ* "имеющий много воинов", выражающий значение обладания: и видѣ Улияна *многoвoя* [Маројевић 1985: 124].

Словообразовательную структуру старославянских притяжательных прилагательных типа **томитель** с диахронической точки зрения описал Р. Бошкович: он убедительно показал, почему следует исходить не из суф. *-jъ, а из суф. -ь < *-’ōs как словообразовательного форманта [Бошковић 1978: 383].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арциховский А.В., Янин В.Л. 1978 – Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978.
- Бирнбаум Х. 1987 – Православянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции. М., 1987.
- Бошковић Р. 1978 – Одабрани чланци и расправе. Титоград, 1978.
- Булаховский Л.А. 1953 – Курс русского литературного языка. Т. 2: Исторический комментарий. Киев, 1953.
- ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. Валка С.Н. М.; Л., 1949.
- Железняк И.М. 1983 – Основные аспекты изучения славянской ономастики последних лет (IX Международныи съезд славистов) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1983. М., 1988.

- Зализняк А.А. 1986 – Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.
- Зализняк А.А. 1993 – К изучению языка берестяных грамот // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
- Зализняк А.А. 1995 – Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Крысько В.Б. 1993 – Категория одушевленности в древненовгородском диалекте // Славяноведение. 1993. № 3.
- Крысько В.Б. 1994 – Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.
- ЛингвЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В.Н. М., 1990.
- ЛитЭС – Гаспаров М.Л. Анаколупф // Литературный энциклопедический словарь / Под общей ред. Кожевникова В.М., Николаева П.А. М., 1987.
- ЛН 1875 – Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1875.
- ЛН 1950 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. Насонова А.Н. М.: Л., 1950.
- Мароевич Р. 1993 – Патронимы в системе категорий принадлежности древнерусского языка // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1988–1990. Сборник научных трудов. М., 1993.
- Мароевич Р. 1996 – Этюды по грамматике древнерусского языка. I (К прочтению Свинцовой грамоты) // ВЯ. 1996. № 3.
- Маројевић Р. 1982 – Прасловенска adiectiva possessiva типа *Tvorimiřić* (од патронима типа *Tvorimiřićь*), њихова судбина и трагови у словенским језицима // Јужнословенски филолог. 1982. Књ. XXXVIII.
- Маројевић Р. 1983 – Посесивне категорије у руском језику (у своме историјском развитку и данас). Београд, 1983.
- Маројевић Р. 1985 – Посесивне изведенице у староруском језику. Антропонимски систем. Топонимија. "Слово о полку Игореве". Београд, 1985.
- Маројевић Р. 1987 – О постанку топонима *црква Димитрија* // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1987. Књ. XXXI.
- НПГ – Марашинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966.
- ПЛ – Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. Насонова А.Н. М., 1955.
- Потебня А.А. 1977 – Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. 2: Глагол. М., 1977.
- ПР – Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Описание русских и славянских рукописей XI–XVI веков. Л., 1976.
- СДЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. Аванесов Р.И. Т. 1. М., 1988.
- СИС – Словарь иностранных слов. Изд. 18-е. М., 1989.
- Спринчак Я.А. 1960 – Очерк русского исторического синтаксиса. Простое предложение. Киев, 1960.
- Срезневский И.И. 1912 – Материалы для Словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Дополнения. СПб., 1912.
- СС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Цейтлин Р.М., Вечерки Р., Благовой Э. М., 1994.
- Фролова С.В. 1959 – История притяжательно-относительных прилагательных с суффиксом *-j, -ьj* по древнерусским письменным памятникам XI–XVII вв. // Уч. зап. Куйбыш. пед. ин-та. 1959. Т. 27.
- Stanić M. 1987 – Još o sintagmi "majka Jugovića" // Књижевност и језик. 1987. Бр. 1–2.

ПРИМЕЧАНИЕ К ПРЕДЫДУЩЕЙ СТАТЬЕ Р. МАРОЕВИЧА (ВЯ. 1997. № 3):

стр.	строка	написано	следует читать
78	4 снизу	Стефанъ	Стефань
80	20 снизу	Воин	Воинь
80	6 снизу	Воинъ	Воинь
81	24 снизу	Оргоць	Оргощъ
83	23 снизу	Заруѣта	Заруѣта
87	12 снизу	Мароевич Р. 1985	Мароевич Р. 1995